

5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru/>. – Дата доступа : 01.12.2017. 1.12.2017.
6. Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ushakovdictionary.ru>. – Дата доступа : 01.12.2017.
7. Толковый словарь живаго великорускаго языка Владимира Даля [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://slovardalja.net/view_search.php. – Дата доступа: 01.12.2017.
8. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://dictionary.cambridge.org/ru/>. – Дата доступа: 01.12.2017.

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ПЕРЕВОДЧИКА КАК СУБЪЕКТИВНЫЙ ФАКТОР ПЕРЕВОДА. ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Р.Э. Бокова (магистрант)

*Научный руководитель – А.А. Свицова, канд. филол. наук, доцент
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
Санкт-Петербург, Россия*

Становление и развитие гендерных исследований в языкознании приходится на конец XX века: в научное описание вводится термин «гендер» – сложный психический и социальный конструкт, осознаваемый индивидами по-разному. Современная антропоцентрическая парадигма позволяет исследовать особенности текста, порождаемого «гендерной языковой личностью» с точки зрения языкового аспекта гендера [4, с. 70]. Переводчик также является языковой личностью, которая в трудах Ю.Н. Караулова трактуется как личность, вмещающая в себя социальные, этические, психические и другие компоненты, преломленные через язык и проявленные в дискурсе [3, с. 36].

В переводоведении широко обсуждаются проблемы, связанные с изучением роли и функций личности переводчика, формируется представление о нём как о «прозрачном стекле»: чем меньше в переводном тексте присутствует переводчик, тем качественнее сделан перевод. Однако переводчик – это не беспристрастная машина, и его личный опыт – это не просто допустимый, но и даже необходимый элемент качественного перевода [1, с. 31]. Пренебрежение же гендерной составляющей зачастую ведёт к прагматическим ошибкам, считающимся наиболее значимыми. Переводчик должен не столько воспроизвести текст на другом языке, сколько создать его заново. Различия в женской и мужской речи не так очевидны, хотя и присутствуют на всех уровнях языка. Нейтральная лексика в переводе мужчины приобретает оттенок разговорности, что приводит

к стилистическому сдвигу. Женщина же стремится эту нейтральность сохранить. В то же время, типичной характеристикой женской речи является тенденция к экспрессии.

В рамках данного исследования проводится сравнительный анализ двух вариантов перевода романа Джека Лондона «Мартин Иден». «Мужской» перевод принадлежит С.С. Заяицкому, «женский» выполнен Р.Е. Облонской. С самого первого появления Мартина Идена в доме Морзов автор показывает многоликость своего персонажа: *Under that muscled body of his he was a mass of quivering sensibilities*. Выбор лексических единиц в переводе С. Заяицкого является довольно спорным: несколько странным кажется то, что *чувствительность* представляется каким-то живым существом: *В его мускулистом теле жила обостренная чувствительность*. Перевод Р. Облонской стилистически более описателен: *В этом мускулистом парне таилась безмерно ранимая чуткость*. Вместо *body* она предпочитает использовать контекстуальный гипероним *парень*. Также мы наблюдаем некоторое преувеличение (*безмерно*), что является, согласно исследованиям Робин Лакофф, чисто женской речевой тактикой [5].

Воспоминания Мартина Идена о разгульной жизни раскрываются автором во всем многообразии стилистических средств, которые в переводах отражены по-разному. С. Заяицкий, демонстрируя маскулинные речевые тактики, не боится прибегать к сниженной лексике. Так, *frowsy*, *shuffling creatures* представляются в его переводе как *растрепанные потаскухи*. Женщины отдают предпочтение коннотативно нейтральным словам, прибегают к эвфемизмам. Р. Облонская стремится смягчить негативный оттенок выражения: *неряхи и распустехи*. Перевод Р. Облонской семантически более точен, однако в нём обнаруживаются лексические единицы, усиливающие уровень экспрессии и без того красноречивых приёмов. *Stews* превращаются в *гнусные притоны*, *the scrapings of the ports* – в *портовую грязь и нечисть*. Интересно, насколько по-разному предстает в переводах фраза *under the guise of monstrous female form*. У Р. Облонской это *гарпии в ужасающем женском обличье*, а у С. Заяицкого – *жалкие подобия женщин*. В «мужском» переводе, несмотря на его лаконичность, сильнее прослеживается субъективная оценочность. Фраза *the scum and slime of the human pit* передана у С. Заяицкого буквально, он сохраняет авторскую метафору: *пена и накипь человеческого котла*. По сравнению с мужской, женская речь пестрит эмоциональными оценками. Облонская вновь прибегает к излишней экспрессии: *распоследние отребья и отбросы человечества*.

Перевод отрывка с описанием внешности Руфи С. Заяицкого выглядит более сухим, в нем нет такого изобилия стилистических приемов и грамматических трансформаций, как у Р. Облонской. Так, в «мужском» переводе акцент делается на объективной, вещественной составляющей (*withwide, spiritual blue eyes – с большими голубыми одухотворенными глазами*), тогда как для женщины важнее передать чувственные образы. Р. Облонская прибегает к метонимии: *с одухотворенным взглядом огромных голубых глаз*. Выражение *a wealth of golden hair* в переводе С. Заяицкого звучит нелепо для «русского» уха – *с массой золотых волос*. Цветопередача в переводе Р. Облонской тоньше отражает внешность героини: *с облаком золотистых волос*. Говоря о переводе цветowych обозначений, стоит также обратить внимание на следующий отрывок: *He likened her to a pale gold flower upon a slender stem*. Перевод С. Заяицкого неестественен для русского читателя: *Он мысленно сравнивал ее с бледнозолотистым цветком на тонком стебле*. Р. Облонская решает эту задачу с точки зрения прагматики более удачно: *Хрупкий золотистый цветок на тоненьком стебле*. Переводя описание чувств главного героя, который услышал голос любимой по телефону, С. Заяицкий предпочитает сохранить авторскую метафору, трансформирует эпитет: *felt a wave of warmth rush through him – горячая волна пробежала по его телу*. Облонской, на наш взгляд, не удалось вложить в перевод авторскую художественность: *его обдало теплом*.

Нора Галь в книге «Слово живое и мёртвое» критикует С. Заяицкого за то, что преобразование главного героя из неотесанного моряка в одаренного писателя в его переводе неощутимо [2, с. 357–366]. Иден использует неестественно сложный синтаксис, при этом употребляя сниженную лексику или грамматически неверные обороты. Этот контраст вызывает недоумение: *That's the way it landed on me, but I guess I ain't up much on poetry, miss*. В переводе С. Заяицкого странным образом сочетается обособленный оборот *должно быть*, свойственный, скорее, речи Руфи, с грубым высказыванием *ни черта в стихах не смыслю*. Перевод Р. Облонской представляется нам более удачным. Она прибегает к инверсии и грамматической трансформации (*зацепил он меня*), а просторечная лексика без негативных коннотаций (*не больно смыслю*) ярко отражает социальный статус главного героя.

В переводе С. Заяицкого отчетливо прослеживается диссонанс: мы наблюдаем то в сторону грубой и просторечной лексики, то тенденцию к «смягчению» оригинальных выражений. Из уст Мартина выражение *такой дурной* звучит странно, когда в подлиннике используется экспрессивное *scoundrel*. Контраст речи героев тоньше передан

в переводе Р. Облонской. Руфь в её переводе говорит сложными предложениями с обособленными оборотами, а Мартин добавляет частицу *-то* к глаголам (*прочел-то*), использует *видать* в качестве вводного слова, употребляет просторечную лексику (*вылазит*), что указывает на его малограмотность. Яркое *scoundrel* в интерпретации Р. Облонской звучит, как *подлюга*. Ей удалось подобрать достаточно экспрессивный, но при этом не очень грубый эквивалент.

В заключение стоит подчеркнуть, что гендерный аспект и влияние языковой личности переводчика остаются явлениями малоизученными. Недооценка гендерной составляющей может привести к значимым ошибкам на уровне прагматики. Как показывает исследование, чёткой дихотомии в плане чисто «мужских» и «женских» речевых приёмов в переводе не прослеживается, среди общих тенденций можно назвать использование эмоционально-оценочной лексики в «женском» переводе, а для «мужского» характерно употребление сниженной лексики. Зачастую явления, обнаруживаемые в речи обоих полов, обусловлены особенностями характера, психического склада, роли в обществе, а вовсе не гендерными различиями. Таким образом, проблема гендерного аспекта в переводе требует детального изучения. Главной задачей переводчика должно стать создание гендерно-нейтрального перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бузаджи, Д.М. Переводчик прозрачный и непрозрачный / Д.М. Бузаджи // Мосты. – №2 (22). – М., 2009. – С. 31-38.
2. Галь, Н. Слово живое и мертвое / Н. Галь. – М. : Время, 2007. – 592 с.
3. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – Москва, 1987. – 263 с.
4. Нерознак, В.П. Языковая личность в гендерном измерении / В.П. Нерознак // Гендер: язык, культура, коммуникация: тез. I междунар. конф. – М. : Изд-во МГЛУ, 1999. – С. 70-71.
5. Lakoff, R.T. Language and Woman's Place / R.T. Lakoff. – New York : Harper & Row, 1975. – 328 p.